

Внутри и снаружи дома царил тишина, прерываемая только стоном судьи и лаем собак.

Собака старого Итена отчаянно царапала лапами землю, а сам старик, держащий ружье, смотрел на свою гончую с ошеломленным выражением, словно все еще находясь во сне:

- Господи, что за чертовщина...

Жасмин тоже замерла, даже не вытерев кровь, брызнувшую ей на лицо.

Когда начальник станции схватил коричнево-волосого солдата, она смутно услышала, как Ворона в суматохе тихо произнес: «Проницательность». Проницательность Гавриила была «упрощенной» версией и могла проверять только указанные вещи. Прежде чем Жасмин успела обернуться и спросить, что именно он проверил, ее внимание снова привлекли хаотичные действия со стороны Ло.

Затем ей сунули записку, и пока все смотрели, как Лесли допрашивает несчастного солдата, Гавриил тихо прошептал ей что-то на ухо и подтолкнул к судье.

На записке было написано две строчки приговора... Хотя почерк был настолько ужасным, что Жасмин начала беспокоиться, не повреждена ли рука Вороны, она сразу поняла, что происходит.

И когда она произнесла слова приговора, написанные на записке, она ощутила нечто совершенно новое. Ее «Суд» был непохож на все предыдущие. Раньше, кого бы она ни била, Жасмин просто яростно лупила, а результат зависел от того, насколько толстой была кожа у жертвы.

Но на этот раз, когда загорелся белый свет «Суда», в ее сознании ясно пронеслись преступления судьи. Ее наивный «Суд» внезапно обрел остроту, и, произнося приговор, она почувствовала, как будто божественная кара снизошла через ее руку.

Жасмин резко обернулась к Вороне. Ворона поднял упавший на землю артефакт, оставленный искрой, и черный контракт, обвивающий его ладонь, танцевал вокруг белой кости, как гнев мертвых, словно говоря: этого недостаточно – этого недостаточно.

- Молодец, – Ворона тайно подмигнул ей, – лучше, чем старый рыбак, который десять лет резал рыбу на рынке!

Он подошел к судье, чей живот был полон красного и белого, и с восхищением покачал головой:

- Кажется, судья не сможет участвовать в защите.

Лесли, искра, с изумлением посмотрел на Ворону, как и Жасмин.

- Но это не проблема, у нас есть заинтересованные лица, – Ворона бросил взгляд на коричнево-волосого солдата, который уже потерял всякий цвет лица, кивнул Зои, стоящей на коленях рядом с судьей, и встретился взглядом с голубыми глазами Ло, – и свидетели.

Зои резко повернулась к Ло, напрягая шею.

Старый Итен, ошеломленный, посмотрел на Зои, затем на Ло:

- О чем он говорит... Ло, ты что, свидетель?

Голос Ло дрожал:

- Откуда ты знаешь...

Потому что ты явно не входил в круг судьи и его сообщников.

Ворона вздохнул про себя.

Действия начальника станции были поспешными и азартными, он не разобрался в деталях дела, но знал слишком много подробностей об этом убийстве, которые он вряд ли мог выяснить на своем уровне расследования.

И еще потому, что покойный Б... старый начальник станции, тогда отправился в погоню один, даже без оружия.

- Они сказали, что старый начальник станции отправился в погоню один, - Ворона смотрел на Ло отстраненным взглядом. - Если бы это был я, пожилой человек, не связанный с боевыми действиями, зная, что кому-то нужна срочная помощь, я бы точно взял с собой хотя бы одного солдата.

Старый начальник станции, возможно, вообще не гнался за Зои и ее людьми, у него были свои дела.

Река была воротами, соединяющими станцию с внешним миром. Может быть, сын уезжал, и отец вдруг вспомнил, что не сказал ему что-то важное; или, может быть, сын сбежал из дома, и старик, раскаявшись, хотел догнать его, чтобы помириться.

В любом случае, он никого не нашел.

Ло не было на месте убийства, он, вероятно, случайно стал свидетелем и спрятался. Что он думал, когда увидел, как отец выбегает?

Беспокойство? Тревогу? Или, может быть, размышлял, как рассказать отцу об этом - ведь они были старыми друзьями и напарниками.

К сожалению, события развивались слишком быстро, и прежде чем он успел что-то решить, он стал свидетелем второго убийства... на его глазах.

- У нас еще есть детектор лжи, - Ворона указал на «Часы истины» в руках Лесли, затем сделал жест, будто снимает шляпу, и, держа несуществующие поля, кивнул искрам, - так что, кажется, нет необходимости спорить о правде и лжи, верно? Что скажете, священные и таинственные?

Едва он закончил говорить, как из толпы вышла группа людей в белых одеждах с нарисованными на лицах странными узорами, похожими на тотемы. Окружающие почтительно и со страхом расступились, тихо называя их «таинственными господами».

Эта группа тайных искр, наблюдавших из тени, возглавлялась худощавым стариком с седыми волосами, глубокими морщинами на лбу и пронзительным взглядом.

- Хони, линия «Тайна», направление «Гнев», - старик кратко представился, - молодой человек, отдай мне этот артефакт искры.

Ворона без колебаний передал ему белую кость. Как только искра той же линии коснулась

артефакта, рука Хони загорелась огненным светом.

Через мгновение Хони крепко сжал кость и уставился на судью:

- Это артефакт линии «Тайна», направление «Страх». Почему он у тебя?

Температура в доме резко поднялась, и невидимое давление заполнило пространство.

Лесли нажал на «Часы истины», и священная сила распространилась вокруг, рассеивая давление, исходящее от старика. Две группы искр заняли противоположные углы, словно готовясь к противостоянию.

В конце концов Лесли первым опустил голову:

- Госпожа Хони, возможно, нам стоит сначала спросить тех, кто может говорить, с помощью «Истины».

Хони холодно фыркнул, явно не впечатленный священным артефактом:

- У нас есть свои уши.

Священные артефакты, по сути, были не нужны, как и предполагал Ворона. Если Зои была «счета» этой станции, то судья был «мозгом». Достаточно было заткнуть рот судье... даже физически, и остальные становились беспомощными.

Коричневоусый солдат Джон Роджерс, не выдержав давления, во всем сознался и заодно выдал своих сообщников.

Священные и тайные искры присутствовали, и, независимо от личных связей Зои и судьи с кем-либо, в этой скрытой борьбе они не могли избежать наказания. Поскольку невозможно было разобраться, насколько глубоки воды под этой станцией и как сложны ее корни, было решено призвать небесный гром и сжечь все дотла.

«Часы истины» завершили последнюю проверку, и морщины на лице Хони потемнели:

- Убийство искры - непростительное преступление.

Едва она произнесла эти слова, как Гавриил внезапно схватил Ворону за спину и оттащил его в сторону.

Тело судьи с грохотом вспыхнуло, и, прежде чем он успел понять, что происходит, он превратился в огненный шар.

Зрители шарахнулись назад, освобождая пространство, а Зои с криком отползла в сторону.

В толпе раздались сдержанные рвотные позывы, а граф, заранее подготовившийся, прикрыл глаза Клубники. Только тогда появился зловонный запах гари.

Судья, горящий изнутри, больше не мог издавать звуков. Его нервы и мышцы, превратившиеся в пепел раньше, чем плоть, не позволили ему даже инстинктивно кататься по земле. Он лежал, слегка подергиваясь, с широко открытыми глазами, как жуткий человеческий факел.

Лесли нахмурился, но ничего не сказал.

Ворона закашлялся от дыма, оглядел людей, на лицах которых читались только благоговение и отсутствие удивления, и понял: в нынешнем человеческом мире есть правила и даже некая законность, но процесс, очевидно, не слишком строгий. Например, если обычный человек совершает преступление, искра может упростить процесс от суда до исполнения приговора, сразу перейдя к кремации.

Место не важно, а эффективность сжигания крайне высока – всего за несколько мгновений судья превратился в пепел. Лесли, прикрыв нос, закрыл глаза и тихо прошептал что-то, а его рука загорелась «святым светом», рассеивая дым и запах.

Люди, на мгновение лишившиеся дыхания, наконец смогли вдохнуть.

– Я сообщу «Святылицу» и вашему «Ковчегу», – строго посмотрел Хони на Лесли, – как будет разбираться с этой станцией, склоняющейся к «Священному», «Ковчег» должен дать ответ.

– «Священные» чаще выходят за пределы, и так на каждой станции, госпожа, это несправедливо.

Хони усмехнулся, не желая спорить, и повернулся, чтобы уйти, но затем вспомнил что-то и сказал своим белым одеждам:

– Отправьте оставшихся сообщников в «Черную долину».

В этот момент Ворона вздрогнул.

Как только Хони произнес последний приговор, один из черных контрактов, обвивающих его руку, был выполнен, и, слившись с книгой контрактов на его ладони, влил что-то холодное в его тело.

Хони внезапно почувствовал это, остановился и резко обернулся. Белая кость в его руке рассыпалась в пыль, потеряв сияние.

Ворона мгновенно понял, что получил, и тоже замер – покойный передал ему свою силу искры!

Линия «Тайна», направление «Страх».

Но... это слишком невероятно, как такое возможно?

Все, что связано с искрами в этом мире, казалось Вороне знакомым, но в то же время немного несоответствующим. Он интуитивно чувствовал, что его «Глаз грабителя могил» и способности искр должны быть одного уровня.

Способности одного уровня, даже если их можно копировать или отбирать, должны быть ослабленными. Он не мог просто так, как научиться играть на губной гармошке, получить полную силу покойного без каких-либо потерь... это нарушает законы термодинамики!

Может быть, потому что он контактировал с артефактом искры, и кость решила, что он симпатичный?

Окружающие увидели, как этот загадочный, но хрупкий на вид юноша словно окутался тенью, и вокруг него внезапно возникла призрачная аура. Каждый, кто смотрел на него, невольно почувствовал тревогу, как будто что-то глубоко спрятанное в их душе было разбужено.

Хони пробормотал:

- Артефакт выбрал тебя...

Гавриил незаметно приблизился и понюхал, как барсук, впервые попавший на бахчу и не желающий выглядеть неопытным.

Ворона почувствовал холод в спине, очнулся, и ледяная аура вокруг него мгновенно исчезла, как будто все это было иллюзией.

На этот раз даже священные искры смотрели на него иначе.

За Лесли кто-то из священной группы тихо сказал:

- Тайна, способная полностью скрыть свою ауру... я никогда такого не видел...

Даже Хони не мог этого сделать, он выглядел как мститель.

- Нет, - сказал Лесли, - тайна третьего уровня - «Маг» и выше может это делать, но он...

Хони внимательно посмотрел на Ворону:

- Как тебя зовут, молодой человек?

- Ворона.

- Невиданный талант, - выражение лица Хони смягчилось, перейдя от мстителя к кредитору, - искра признала тебя, двери Святилища открыты для тебя.

- Эм... спасибо?

За Хони один из «белых одежд» сказал:

- Ты можешь пойти с нами, поселиться в тайном дворе.

Ворона:

- Я, кажется, еще не прошел «проверку»?

- Новые искры не нуждаются в проверке, - дружелюбно улыбнулся белый одежда, - хотя со временем каждый может измениться, но, по крайней мере, когда искра выбрала тебя, ты прошел высшее испытание.

Ворона задумчиво повертел глазами:

- Тогда могу я сказать что-то?

На этот раз никто не возражал.

Ворона указал на Раптора, стоящего вместе с убийцами:

- Этот парень двадцать лет ел даром у вампиров, а во время своего первого задания перешел на нашу сторону, вовремя оставил тьму и даже косвенно нанес вампирам финансовый ущерб - так что, несмотря на неподходящие татуировки, давайте дадим ему еще один шанс?

Раптор, до этого похожий на зомби, резко поднял голову.

Ворона не смотрел на него, а улыбнулся Ло:

- Он так импульсивно действовал, вероятно, потому что вчера во время медицинского осмотра услышал исповедь начальника станции? Ребенка вампиры воспитали немного глупым, но чувство справедливости у него есть, и он не ошибся, сказав, что «судья - убийца»... Вы согласны, начальник станции?

<http://bllate.org/book/14692/1312856>